

РОССИЙСКОЕ МЕССИАНСКОЕ ПРИЗВАНИЕ

Существуют укоренившиеся нелепости. К числу таковых принадлежит безграмотное и бессмысленное смешение понятий «мессиянизм» и «миссиянизм». Те, кто совершают это смешение, полагают, что всякая «миссия» народа есть его мессианское призвание, а отрицание мессианства за каким-либо народом — есть отрицание какой-бы то ни было его исторической миссии.

Нелепость эта настолько укоренилась, что прежде, чем говорить о русском мессианском призвании, каждый вынужден напомнить, что Мессия и миссия — не одно и то-же, так-же, например, как не одно и то-же социализм и социология. Миссия какого-бы то ни было народа есть его историческое призвание, которое ему надлежит осуществить. И можно смело утверждать, что у каждого исторического народа есть своя миссия. Что, конечно, не значит, что каждый исторический народ есть народ мессианский.

Не только чисто мирская, земная миссия Рима не имела в себе признаков его, римского, мессианства — но и величайшая миссия Эллады, — более того, — богословски-умозрительная миссия Византии, — также была лишена всякого мессианства.

Мессианство определяет собой пересечение двух планов — божественного и тварного, момент воплощения божественного начала в тварном мире. Израиль, воплотивший Христа, Богочеловека, а пред этим всей своей историей подготовивший это воплощение — именно только по этому был мессианским народом. Ни закон, ни пророки, ни псалмы Давида, ни мудрость Соломона — не определяют его мессианство, — а определяет завет с Богом о «семени жены, которое сотрет главу змия», — определяет ожидание чаемого Избавителя, Который есть 'Сын Божий и Сын Человеческий. Богочеловек — вот плод израильского мессиянизма. Ни ведение и лицемерие Бога, ни ведение

человеческой тварной природы порознь — не дают никаких оснований для утверждения мессианского призвания. Эти начала должны быть сопряжены, должно быть некоторое подлинное воплощение божественного начала в тварном мире, чтобы говорить о мессианстве.

Казалось-бы, что такое определение мессианства и исключение из этого понятия всех других, ближе подходящих к понятию «миссианства», совершенно уничтожает всякую возможность говорить о мессианстве какого-бы то ни было народа, кроме израильского. В самом деле, Христос был воплощен, Богочеловек явился в мире, — о каком еще воплощении может быть речь?

Но это возражение носит очень поверхностный характер. Воплощение Христа исторически неповторимое явление, — но вместе с тем воплощенный Христос всем своим богочеловеческим образом был, есть и будет как-бы некоторое задание человечеству, которое оно обязано стремиться воплотить в себе.

Воплощение Христа Богочеловека предопределило идею Богочеловечества. Как Сын Божий воплотился в человеке Иисусе и явился нам единым Богочеловеком, так и во всем человечестве должно явиться воплощенное Божество, должно быть явлено Богочеловечество.

Очень часто историософические построения христианских историков абсолютно теряют всякую руководящую нить с момента воплощения Христа. В самом деле, если не утверждать новых и обширнейших задач, — религиозных главным образом, — вставших перед человечеством с момента воплощения Христа, — то вообще история новой эры теряет всякий смысл, а является некоторой случайной цепью событий, долженствующих заполнить время до Страшного Суда.

Несомненно, что такое толкование имеет какой-то существенный внутренний порок, который может быть уничтожен только внимательным учетом всех заданий, оставленных Христом человечеству. И пусть их бесконечное множество, пусть христианские народы каждый своеобразно и по своему раскрывают их значение, — но среди этого множества есть одно задание, которое определяется главным образом Богочеловечеством Христа, воплощенным Божеством Его, — и только оно и

может носить наименование мессианского задания какого-либо народа.

Итак, прежде чем искать, какой народ и в какой мере удовлетворяет этому определению, необходимо утвердить следующие положения:

1. Понятие мессианизма отнюдь не совпадает с понятием миссии какого либо народа.
2. Мессианизм есть понятие чисто религиозное и говорит всегда о некотором воплощении божественного начала в тварном мире, о некотором пересечении двух планов бытия.
3. Мессианизмом не исчерпываются все задания, данные Христом миру. Помимо него могут быть самые разнообразные религиозные призвания.
4. Мессианским призванием может быть облечен народ, как живая волюющая личность, — и отнюдь не может быть облечено какое-бы то ни было механическое понятие, как государство, класс и т. д. Этим определяется абсолютная невозможность мессианского самознания там, где народ является лишь определением к основному понятию государства. Римское понимание народа и мессианство — понятия взаимно исключают друг друга.

Только усвоив эти основные определения можно пытаться обосновать мессианское задание и призвание русского народа. И основным показателем в этой области является русская мысль.

Попытаемся найти руководящую линию русской мысли, центральное ее вдохновение, то, чем она отличается от мыслей и творчества иных народов. И попробуем, как гипотезу, определяющую это центральное звучание, взять русскую своеобразную и неожиданную идею Третьего Рима.

После многовекового богословского напряжения Византии, после тончайших догматических споров, после гениального творчества отцов церкви, — Православие, взрощенное на русской почве, оказалось вне этих византийских традиций. Оно в области догматики оказалось бесплодным. Оно дало только одну само-

стоятельную мысль. Идею Москвы — Третьего Рима — «а четвертому не бывать».

И наша литературная традиция до известной степени закрепила это русское богословское убожество, определив идею Третьего Рима, как элементарную религиозную публицистику, имеющую целью возвеличить московскую государственность, придать ей атрибуты известной религиозной избранности.

Правильна-ли эта оценка? И убога-ли и по существу идея Третьего Рима, вылившаяся действительно в наивные и детские формы?

Идея Третьего Рима предполагает, во первых, некоторую причастность человеческих дел, человеческого тварного творчества, — к божественному замыслу о мире. Третий Рим, в мыслях старца Филофея, Дмитрия Герасимова и других — это есть человечество, организованное так, как это угодно Богу. Бог, сотворив человека, не отошел от него и не остался только некоторым первоисточником его существования, Он не только творец, но и Промыслитель, — и в промысле Его существует некий идеальный план мироздания, который и воплощается в Третьем Риме. Значит, с другой стороны, человек есть сотрудник Бога, воплотитель Его замыслов, творец.

Если мы разберемся в этом построении, так объясненном, то увидим в нем основное стремление к воплощению божественной идеи, божественного Слова о мире. Подлинное осуществление Третьего Рима есть основное и существенное пересечение двух планов бытия, есть момент, воплощающий божественное задание в сотворенном мире. Третий Рим в идее своей — это вовсе не хорошо организованное человечество, — это бесконечно более, чем человечество, — это Богочеловечество.

И пусть в формах своих идея Третьего Рима элементарна и наивна. Ведь и не мудрено ей быть элементарной и наивной, — она идея совершенно новая, не связанная ни с какой византийской традицией, определяющая собой еще слабое звучание чисто-русской мысли. И звучание это с самого начала говорит о жажде воплощенного Богочеловечества, о чисто мессианской жажде воплощения.

Возьмем даже такое толкование идеи старца Филофея, лишь как гипотезу, которая еще должна быть подтверждена даль-

неидными путями русской мысли. Возьмем ее как некий ключ к уразумению основного пафоса других русских мыслителей. И, минуя несамостоятельный и пустынный XVIII век, обратимся ко временам расцвета русского самосознания — XIX веку, веку, по истине классическому для развития русской мысли.

Славянофилы, Хомяков... Нет необходимости вдаваться в очень подробный анализ его учения, чтобы сразу заметить, до какой степени пафос его тождествен с пафосом старца Филофея. От самого внешнего и материального строя жизни, от земельного устройства и сельского самоуправления — и до последних глубин человеческого духа — строит он единую пирамиду, в которой самые нижние ее ступени соответствуют общему божественному заданию, проэцируются во всех проявлениях тварной жизни. Концепция Хомякова — это та-же концепция Третьего Рима.

И не случайно в области чистого богословия он разрабатывает тему о Церкви. Эта тема сама по себе говорит о встрече Бога и человека, о воплощении Божественного начала в творении. Тема о Церкви есть тема о воплощении, воплощение-же всегда предполагает предварительное мессианское чаяние его и определяет мессианскую призванность тех, кто к этому воплощению стремится. В этом смысле Хомяковское учение все мессианистично.

Далее, нет сомнения, что под знаком жажды воплощения сложилась вся философия Соловьева. Всеединство, возглавляемое Богом и осуществляющее божественный замысел, Богочеловечество в становлении, — вот чем является человеческая история для Соловьева. Для него в области историософии совершенно не существовало пустоты и какого-то смыслового пробела в христианском периоде истории. Дохристианское человечество искало путей к воплощению Богочеловека. Христианское человечество ищет пути к воплощению Богочеловечества. И тут нет сомнения в том, что мысль Соловьева максимально мессианистическая мысль. Она звучит в этом отношении в униссон с мыслью Филофея, она выявляет основной пафос русского мессианского чаяния.

Не трудно показать, что у Достоевского звучат все те же Филофеевские мысли. Народ-богоносец в идее своей есть

прототип народа-богочеловека, есть попытка воплотить Бого-человечество. И русская идея, преломляемая сознанием Достоевского, только лишний раз подтверждает нам, какого она корня; она насквозь мессианистическая идея, связывающая Божественное и земное, воплощающая это Божественное в мире сотворенном.

Бегло и неполно перечисляя все проявления этой русской жажды воплощения, необходимо остановиться и на более позднем направлении русской мысли — на русском символизме. Теория эстетико-поэтическая оказывается имеет основное значение свое не в тех поэтических построениях, которые нам дали Белый, В. Иванов и др., и которые может быть сейчас и устарели, а все в том-же основном мироощущении, которое заставляло творцов русского символизма искать в малых символах отражение единого Божественного символа, которое связывало мир человеческого творчества с замыслом творчества Божественного. В другом разрезе, на другую тему, они говорили о той-же жажде воплощения, они воспринимали Третий Рим человеческих творческих усилий как вечно становящийся малый символ единого и божественного символа, — Небесного Иерусалима.

Воистину, — Третий Рим символичен, — и праобразом его является Небесный Иерусалим. Он есть жажда земного воплощения небесного града.

Тут будет уместно упомянуть еще о явлении, по первому впечатлению как бы противоположном, — о русском нигилизме. Русский нигилизм, с религиозным пафосом отрицающий божественное начало и обожествляющий человеческое. Русский нигилизм, берущий из слитного двуединства Богочеловечества лишь его половину, — человеческую? Казалось-бы, в какой степени может он находиться все в том-же особенном русле русской мессианской мысли? А между тем это несомненно так, и именно этим определяется воистину религиозный его пафос.

Дело в том, что на пути раскрытия какой-бы то ни было религиозной истины всегда встают еретические искажения ее; русский нигилизм есть классическая ересь по отношению к русскому мессианизму. Иначе он не может быть понят. Он взял часть истины русского мессианства, — утверждающего подлин-

ный религиозный смысл в сотворенном мире, и, отказавшись от мира божественного, — придал тварному миру божественное значение. Как все ереси, он имеет частичную правду, но, как и все ереси, отрицая полноту истины, он и свою настоящую истину делает ложной.

Но как бы то ни было, самый факт существования его является лишним доказательством правильности подхода к основной русской идее.

Она есть идея религиозная по преимуществу. Она есть идея, жаждущая осмыслить религиозно тварное существование. Более того, — в тварном существовании она ищет раскрыть и воплотить божественный замысел о мире. По силе и жажде в о п л о щ е н и я русская идея есть воистину — идея мессианская. И в осуществлении своем она должна воплотить Третий Рим, являющийся подлинным и неискаженным символом Града Небесного.

Только религиозно и возможно толкование идеи мессианства. И вместе с тем это религиозное толкование по самой сущности воплощения — должно проэцироваться на все стороны жизни.

Е. Скобцова.